

Амангельды Рахметов

ПОЧТИ

Воронеж
Издательство «Цифровая полиграфия»
2019

УДК 621.161.1
ББК 84(2рос=рус) 6
P27

P27 Рахметов Амангельды. ПОЧТИ. –
Воронеж: Издательство «Цифровая
полиграфия», 2019 – 40 с.

ISBN 978-5-906384-71-3

Это первая книга Амангельды Рахметова. Естественная внутренняя цельность автора определяет искреннюю и правдивую интонацию стиха. Здесь очевиден яркий самобытный талант молодого поэта. Его понимание и восприятие мира находятся на грани созидания и созерцания, где созерцание и есть созидание.

© А. Рахметов, 2019

ВОЛЯ И НЕЖНОСТЬ

В лирическом герое Амана Рахметова есть воля, нежность, способность к поступку или принятию серьезного решения. Его голос может быть одухотворен и приподнят, что так свойственно влюбленности, его глаз может быть остр, а слог – точен и выразителен. Поэт тянется к ясной логике и внятному обобщению, умению взять предмет и рассмотреть его пристально на ладони. Ему по силам построить развернутый образ и искупить все длинноты и неточности заключительными строками, позволяющими развернуть перед глазами читателя ассоциативную картину.

Аман Рахметов знает цену поэтическому приему и умеет им пользоваться как на уровне смысла, так и звука. Стихотворение «Почти» в таком контексте очень показательно. Тут есть созерцание и способность героя к действию, легкое соединение далекого и близкого. В этой лирике много реального мира, волшебно преображенного чувством и поэзией.

Попытка осознания себя – почти всегда шаг по направлению к зрелости. А некоторые шероховатости стиха постепенно отшлифуются. В первой книге стихотворений Амана Рахметова выявляется главное: у автора есть литературный слух, есть живой ум, он умеет о многом сказать не напрямую – как бы исподволь. Досадные огрехи не отменяют этого главного, но подчеркивают

первоочередную задачу, которая возникает перед поэтом: все нюансы русского языка он должен знать на уровне рефлекса. Тогда щербины смысла и издержки изобразительности уйдут сами собой, и появится гармония ясного лирического высказывания. Более того, ныне скромное присутствие в материи стиха самой музыки поэзии станет важным фоном значительной части произведений Амана Рахметова.

Вячеслав ЛЮТЫЙ,
*председатель Совета по критике
Союза писателей России*

ПОЧТИ

Почти река
под маленьким мостом
течет почти
вдоль города в низину
и этот яблочный
почти как дом
меня влечет
как Грузия грузина
и всем
необходимые очки
почти у всех
под ярким солнцепадом
я снова полюбил тебя
почти
и как обычно
я почти что рядом
почти в закат
устремлены глаза
и в ожидании
бессмертного рассвета
идут почти
неслышно поезда
в тебя влюбленного
почти поэта

но вот опять
я улетаю в ночь
и кроме звёзд
почти что всё валяется
а я уже
вернуться бы не прочь

так все *почти*
почти что не считаются

Алматы, осень 2017 г.

* * *

Мы целовались через листья,
читали Лондона до дыр.
Огни захватывали местность,
а мы захватывали мир.

Мы целовались через годы,
и годы шли, как облака...
Астрологам везло на звёзды,
а нам – на звезды коньяка.

Стояла поздняя неосень
в преддверии ранней незимы,
но среди всяких отрицаний
стояли пьяные – не мы.

И мы, шатаясь, как деревья,
могли прощаться и прощать,
и целоваться через листья –
любить друг друга натошак.

ШКАФ

Сначала шкаф загнали в угол,
затем друг друга в этот шкаф,
и притворяться было трудно,
что мы в шкафу искали шарф.

Так мы завязывали наши
глаза на несколько вещей,
пока изнашивался кашель,
что не просачивался в щель.

Но он заканчивался тотчас,
лишь только мысли наши вслух
произносились о песочных
часах, что сыпались на стул

из не утюженных и старых
рубашек клетчатых. Затем
он начинался, и мы стали
не замечать его совсем...

Воронеж, зима 2018 г.

* * *

Так душно в комнате, так душно,
что иссушаются слова,
соприкоснувшись вдруг с подушкой,
не завершаясь у стола.

И вроде окна – нараспашку,
и двери делают сквозняк,
но душно в комнате и страшно,
что сделать ничего нельзя.

В ГЛАЗАХ КАЗАРМ

В глазах казарм – застыли дни
колючим скомканным пространством.
Полусвободные дожди
сбивают с толку постоянство...

Что значит – быстро уходить?
Что значит – с кем-то расставаться?
Лишь то, что вихревая нить
имеет свойство растворяться,

как молоко в кофейной мгле,
как лишний слог в клубке созвучий.
мне – там – ходить по всей земле,
сжимая – здесь – в трех пальцах ручку,

не понимая, что за план
составлен чьим-то «понимаю».
В глазах казарм – квадратный плац,
и жизнь моя, как есть, – прямая.

* * *

Маме

Молчать в окно, нащупывая шторы,
пока в окне валяется февраль.
И дети возвращаются из школы,
не успевая толком поиграть.

А снег играет, падая в ладони
сегодняшнего вечера, и вот
обыкновенный школьник уже дома
и матери оценки достаёт.

Молчать в окно, докуривая цифры
случайно оказавшиеся вне.
А цифры – те же клоуны из цирка,
им бы висеть и цокать на стене,

и уходить, но уходить мгновенно,
не требуя печалиться в конце.
Там звёзды объявляют во Вселенной,
а здесь – морщинки на твоём лице...

Молчать в окно, молчать о том, что пройден
определенный жизненный этап.
Поставить чайник, чайник ведь не против
разговориться до утра.

* * *

Бабушке

Проблем со слухом у старухи
не возникало никогда,
лишь кран покашливал на кухне,
поскольку
редкая вода.

Струилось время
по морщинкам
рекой, длиною в океан,
что был по юности рассчитан,
а получается – в стакан.

Но в нем,
помимо валидола,
непостижимости, утрат,
кричали чайки, бились волны
и солнце жмурилось с утра.

Всё остальное –
где-то в стопках
давно забытых школьных книг
и в непонятной мелкой кнопке,
когда ей кто-нибудь звонит.

* * *

Стучит, стучит молчанье в рельсы,
а рельсы, правда, ведь стучат.
Как неподдельна смена действий,
когда за действием – молчат.

Молчаньем строился Египет
при возведении пирамид,
и остальной, сжигая глину,
молчаньем строился весь мир.

Как нет насыщеннее слова,
не пророненного вчера,
так тишиной объятый омут
хранит, действительно, черта.

Молчат преступно наши судьбы,
и мы о них – не говорим,
а жизнь кончается по сути
в неумолкаемой любви.

* * *

Аквариум, или врасплох
застигнутая слеза,
сорвавшаяся с ресницы ребенка,
в которой,
уткнувшись в стекло,
в потуге прорваться наружу,
вся рыба разбила
свои глаза.

ДИАЛОГ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Памяти Рыскулова Дамира

И там, где засуха, – неожиданный дождь,
а там, где дождь, – забытая пустыня.
И так всю жизнь по крайностям идёшь
то с полными руками, то с пустыми.

Обходишь ночью блоковский фонарь
и хочешь взвыть на звёзды, как собака,
не зная звёзд... и на какой алтарь
молиться вслух стихами Пастернака.

Проходит всё. Проходят все. И ты
проходишь тихо, не сказав ни слова
о том, как ранние в снегу цветы
во имя глупости цвести готовы.

—

На берегу Вселенной есть рыбак.
Он ловит звёзды, трогает их, нюхает
и отпускает снова, что никак
им не даёт со временем потухнуть.

Воронеж, начало весны 2018 г.

* * *

Купил булку хлеба и сборник Мандельштама
не знаю с чего начать

хромает небо

улицы раздвигают квадратные колени
и сдвигают обратно

хлеб покрывается плесенью

* * *

В. Нацентову

Сойти с усталости, как с поезда.
К чему иначе поездам
таскаться к северному полюсу
и снова к южным городам?

Остановиться от случайностей,
возникших на моем пути,
и не понять, как получается,
что снова хочется идти,

идти к событиям, к автобусам,
вдоль армии таксистов и...
И в согласованности с совестью
бессовестно писать стихи,

не ограничиваясь точками
и запятыми на конце,
за каждым дымом или строчкою
спокойно вглядываться в цепь

из единиц, скреплённых лицами,
забытых где-нибудь вчера.
И рвётся эхо за границами
настенного календаря.

ЧУЖИЕ ЖУРАВЛИ

Здесь опоздали, там и не успеть,
а где успели – смысла никакого.
На перекур – холодные балконы,
холодные балконы или смерть.

За хмуростью погоды и бровей
все происходит нежное не с нами:
так и живём – чужими журавлями,
не замечая – наших журавлей.

Но есть они, как накипь кипятка,
как люстра, только с прогоревшей лампой,
как ливни, слизывающие с лапы
двускатных крыш изнанки потолка.

Они летают креном над страной,
страной забытых, но не нами – взглядов
на уровне зацепленных снарядов
ещё несуществующей строкой.

Они летают – наши журавли,
не знаю где, но знаю точно – где-то
за время выкуренной сигареты
и безответной речи о любви.

А между тем, дрожащею рукой
вот-вот, но, не касаясь подбородка,
стоит, как будто вкручена отвёрткой,
скрипачка над дрожащею толпой.

Она играет в лоб, между бровей
и - в степь, на расстоянье между нами.
Послушай! Над чужими журавлями
она играет наших журавлей!

* * *

А. К.

По дороге извилистой, требующей
однозначно немалый расчёт,
я дошёл бы с тобою до следующей
остановки, а после – ещё!

Вдоль невымытых витрин, но заставленных,
вдоль скамеек пустых. По пути
я, естественно бы останавливался,
чтобы снова с тобою идти
до конца,
до подъездов каких-нибудь,
где рождается первая дрожь
на весенних, порою, каникулах,
под предлогом, что капает дождь...

Под волнением и под карнизами,
что влекут неоправданный риск,
оправдать наши сроки пожизненные
за случайности, где мы сошлись.

Воронеж, весна 2018 г.

*"...ты – просто голос
в телефонной трубке,
я – только текст...
на мертвом языке."*

А. Ромахов

* * *

А. К.

Садись в первую маршрутку,
устало тянешь за проезд,
и, как первоапрельской шуткой,
ведешь усталость под арест.

Дожди пульсируют апрелем,
стекаются с послушных крыш,
но сложно мне тебе поверить,
пока о крышах ты молчишь.

И не спеша, как снег последний,
почти растаявший за март,
одним весенним воскресеньем
ты замечаешь, как дома

становятся всё меньше, меньше...
и отражают лужи – дни,
когда я облаком нездешним
тебе вычёркивал д о ж д и...

Секунды требуют минуту –
неподавляем этот бунт,
но вот конечная маршрутки
и точка после мёртвых букв.

Ты возвращаешься в квартиру,
и в сумке звонкие ключи,
и вроде жизнь – неповторима,
и вроде счастье – не молчит.

* * *

А. К.

Прикасаясь губами к виску,
приподняв твою шаткую шапку, –
это март распускает весну,
как сирены бандитскую шайку.
Это длинные тени преград
от солёных каштановых шишек
до тюльпановых сладких приправ.
Это всё, что возможно услышать.

Задевая словами глаза,
не измерив погоды и пульса, –
это всё, что возможно сказать,
о возможностях нашего вкуса.
Это сонное время, тетрадь
недомолвок, молчание сути,
это тонкость туманных утрат
в перекрёстках случайностей судеб...

И в объятиях пальцами сжав,
пересчитывая позвоночник, –
это снег обнимает пожар
безысходности мартовской ночи.
Это музыка глухонемых
на стихи о собаках и кошках.
Это всё абсолютно не мы,
хоть и всё перемененно немножко...

* * *

А. К.

Все повторяется. Неправда,
неповторимы облака.
Им не подвластны своды правил
двух отрицаний чудака.
И тени призраков и духов
во все воздушные века
мешали зрение со слухом,
как запах книг и молока.

Что человек не повторит,
мы обнаруживаем в лужах.
Неповторимые внутри –
не повторяются снаружи.

* * *

Зое Колесниковой

Домами лестницей наружу,
заросший липой и каштаном,
Воронеж тихо обнаружил
во мне бесшумность Мандельштама.

Хромыми тучами и воском,
колоколами в полупарках
Воронеж ребрами из сосен
знакомил звуки Пастернака
с моим беззвучием и речью
сухой, как степи Казахстана...

Воронеж, я – противоречье.
И ты – единственный наставник.

ЧЕРНОВЫЕ ЧАСЫ

На балконе курить и читать на восток,
не докуривая сигареты.

Исчезает планета моя из-под строк,
чтобы вновь оказаться планетой.

Значит, всё, что исчезло, не перечеркнуть –
исчезают всегда не впервые.

Хорошо, что, проснувшись, не страшно заснуть.

Хорошо, что часы – черновые,

и бумага не рвется на цифры и на
сигареты, балконы и прочее.

Одиночество – улица, не страна.

Так у каждой секунды свой почерк,

как у трещинки каждой своя губа,
прошлогодний асфальт или поза,
у случайности каждой своя судьба,
а судьба не случается поздно.

Остаётся курить и докуривать, ждать,
когда воздух запахнет рассветом,
чтобы каждую тень своей тенью обнять
и довольствоваться только этим.

* * *

Я разучился греть пещеру
и рисовать вчерашний день
и тень твою не удаётся

Я разучился греть планету
и рисовать вчерашний день
и тень твою не удаётся

Я изучаю свойство солнца
мне интересно что внутри
наверно холодно и пусто

* * *

Мы останемся здесь в Казахстане
на краю
первобытной степи
на коленях целуя тюльпаны
что едва успевают цвести

мы останемся здесь за чертой
черновой
двадцать первого века
и со временем верные ветру
станем образ вести кочевой

и разгладится волновый войлок
над креплениями
кереге
чтобы вечером каждому волку
останавливаться было где

это мы
вечный поиск ночлега
это мы
облака и полынь
это мы
ещё до человеков

обыкновенная пыль.

* * *

Я проснусь не в угрюмом лесу,
перепуганный угольным мраком,

разбирая сырую листву,
как коллекцию избранных марок.

Но в степи, среди красного мака,
я проснусь и уже не засну...

На носу будут бабочки марта,
их от птицы апреля спасу...

Я нарушу законы природы
ради новых законов природы.

Астана, лето 2018 г.

* * *

*Куляш Закировне,
моей учительнице
по истории*

Из одной страны в другую,
словно ветер сквозняком,
люди воздухом торгуют,
драгоценным языком...

Но когда за новым звуком
закрывается окно,
в каждой мельнице безрукой
отражается зерно.

И дожди за шумом шутят,
останавливаясь там,
где за шелковым маршрутом
начиналась барымта

и безрыбье, и безлюдье...
Может, бродят до сих пор
полумертвые верблюды
среди скул скалистых гор,

отражая жар и жажду
тех, кто пробовал рискнуть
перейти черту пейзажа
по стеклянному песку.

* * *

Дождям здесь изредка дежурить
жара такая
что глаза
приходится всё время жмурить
но пролетает стрекоза

у розовых озёр
с седыми
седыми берегами
за
набедренной повязкой дыма

заходит солнце
как слеза

сорвавшаяся с подбородка

ЧЕМОДАНЫ С КОРНЯМИ ВЕЩЕЙ

«Тишина – не есть молчание...»

Милорад Павич.

А. К.

Ты приедешь до нового года,
до салютов и
снеговиков,
и ключи от дверей треугольных
подойдут для дверей без углов.

А углы – это птицы, их крылья,
нарисованные
малышом,
не владеющим временем рыбы,
но владеющим карандашом...

Остаётся ходить на свиданье
с целым миром –
подглядывать в щель,
наблюдать, как растут чемоданы,
чемоданы с корнями вещей.

Потому что за всеми ночами,
чемоданами,
птицами, за
тишиной наступает молчанье –
говорят только наши глаза.

А глазам, как в глазок телескопа,
упираться
в стремление звёзд,
на сухие ладони пророка
виноградную складывать гроздь.

Шымкент, осень 2018 г.

* * *

ты знаешь кому...

Пёс облизывает ладони
Луны,
худощавые и холодные, как ребенок
в застывшие дни –
железо.

Ты залезешь на подоконник
и сквозь свои сны
обнаружишь родинки,
а на родинках – шерсть
и уже не слезешь

никогда. Ты станешь таким же,
как он –
неподвижным и вечно преданным,
обрастёшь ярко-желтой шерстью.
Может,

повторяются наши жизни
и страх
помогает сужаться улицам,
как мурашкам оказываться на
коже,
и железо, что прежде – камень,

в огне
закалённое, – расплавляется,
и пространство кривится в огне ракеты,
и она приземляется
на Луне...

Только пёс всё также – к ладоням,
и ребёнок
считает весь мир конфетой.

* * *

Как привычно учить языки –
стало нам невозможно молчанье...
Заменяя дверные замки,
запасаемся словоключами

и храним их на связках, во рту,
запасные же прячем в ключицах.
Если те, что во рту, пропадут,
ничего-ничего не случится...

Мы заполним пустые места
на квадратах квартир и кроссвордов –
столько в мире загадок и стран,
сколько в нас не от жертвы – от вора.

Хоть себя самого заключай
в недостроенное помещенье,
потому что замок без ключа,
как и Жизнь, не имеет значения.

ПТИЦЫ

Довольно сложно заблудиться
в квартире
собственной тогда,
когда я собираюсь к птицам
уехать раз и навсегда.

Мне нравится следить за ними,
как за агентами –
двойной
агент, прикидываться мимо
идушим, слившимся с толпой.

И странной следуя
привычке –
прослушивать их каждый день,
я стану говорить на птичьем –
среди людей.

* * *

Коснутся руки мягкого стекла,
и мир за выпуклостью станет шире,
и если окна с миром –
пополам,
то мы актеры, ждущие за ширмой.

Но выпуклость – иллюзия
и звук
аплодисментов громких вызывает
у стен твоей квартиры тихий зуд,
и ты, как гость,
становишься незванным.

Ковер в прихожей, трогаешь ковер
руками, хочешь по нему пройтись,
не разуваясь, – настоящий вор,
теперь ты – вор,
ты – вор,
остановись.

Не нужно прикасаться к стёклам,
нет!
ни выпуклости мира,
ни свободы –
есть плоскость,
ты
и карандаш на ней,
и лошади, глотающие воду,

далёкие, в таинственном лесу...

* * *

Всё больше повода уйти от слова,
как, не дождавшись поздней электрички,
уйти со станции и быть готовым
с таксистами растрачивать наличку.

Черта характера – уйти, не важно
какой маршрут, движение остаётся,
как на стекле в повышенную влажность –
пейзажи, нарисованные солнцем.

Но времени всё меньше на решимость –
искать слова или теряться в числах,
не проверять, но проверять на вшивость
свой вечный поиск жизненного смысла.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие.</i>	
<i>В. Лютый. ВОЛЯ И НЕЖНОСТЬ</i>	3
ПОЧТИ	5
«Мы целовались через листья...»	6
ШКАФ	7
«Так душно в комнате, так душно...»	8
В ГЛАЗАХ КАЗАРМ	9
«Молчать в окно...»	10
«Проблем со слухом у старухи...»	11
«Стучит, стучит молчанье в рельсы...»	12
«Аквариум или врасплох...»	13
ДИАЛОГ ПРОТИВОРЕЧИЙ	15
«Купил булку хлеба и сборник Мандельштама...»... ..	16
«Сойти с усталости, как с поезда...»	17
ЧУЖИЕ ЖУРАВЛИ	19
«По дороге извилистой, требующей...»	20
«Сядишься в первую маршрутку...»	21
«Прикасаюсь губами к виску...»	22
«Все повторяется. Неправда...»	23
«Домами лестницей наружу...»	24
ЧЕРНОВЫЕ ЧАСЫ	25
«Я разучился греть пещеру...»	26
«Мы останемся здесь, в Казахстане...»	27
«Я проснусь не в угрюмом лесу...»	28
«Из одной страны в другую...»	29
«Дождям здесь изредка дежурить...»	30
ЧЕМОДАНЫ С КОРНЯМИ ВЕЩЕЙ	31
«Пес облизывает ладони...»	32
«Как привычно учить языки...»	33
ПТИЦЫ	35
«Коснутся руки мягкого стекла...»	36
«Всё больше повода уйти от слова...»	37

Выражаю благодарность своей маме – Анаргуль Рахметовой, бабушке и моей первой учительнице – Нуржамал Лукпановой.

Учителям, командирам и одноклассникам Республиканской военной школы-интернат «Жас улан» им. генерала армии С. К. Нурмагамбетова, преподавателям и однокурсникам военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина. В частности, начальнику курса – Константину Субботину за понимание важности литературы в военной среде.

И отдельное спасибо за помощь и выход самой книги – Вячеславу Лютому, Зое Колесниковой, Анне Ковалёвой, Наталье Ковалёвой, Джабраилу Яхьяеву, Василию Нацентову и... всем, кого я знаю и не знаю особенно – без вас моей книги просто не было бы.

С уважением, Аман Рахметов

Примечание. Пустые страницы в книге оставлены автором намеренно для того, чтобы читатель мог делать свои пометки о прочитанных стихах.

Литературно-художественное издание

Амангельды Рахметов

ПОЧТИ

Сборник стихов

Редактор Зоя Колесникова

Подписано в печать 11.01.2019 г.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 2,25.
Бумага офсетная. Тираж 250 экз.
Заказ № 0030.

Издательство ООО «Цифровая типография»
394036, г. Воронеж, ул. Ф. Энгельса, д. 52
Тел. (473) 261-03-61, e-mail: zakaz@print36.ru
[Http://www.print.36.ru](http://www.print.36.ru)

Отпечатано с готового оригинал-макета
В ООО «Цифровая типография»